

Хронометраж

вопрос о времени никогда не бывает случайным

Елена Сахарова

Елена Сахарова

Хронометраж

«Автор»

2026

Сахарова Е.

Хронометраж / Е. Сахарова — «Автор», 2026

Вспомните: кто и когда в последний раз вас спрашивал о времени? В очереди, в транспорте, на работе – вы машинально смотрите на часы, называете цифры и забываете об этом. Но что, если за этим безобидным вопросом кроется страшная тайна? Главный герой работал в пекарне и не придавал значения утренней посетительнице Элеоноре, которая каждое утро задавала один и тот же вопрос, пока однажды его жизнь постепенно не стала превращаться в страшный кошмар. Случайная встреча с сумасшедшей старухой открыла ему глаза на то, что время – валюта, которую можно легко отнять. В этом мире есть те, кто питается чужим временем, и он стал их добычей. Теперь главный герой стоит перед выбором: разобраться, как вернуть украденное, или смириться, что его минуты больше не принадлежат ему.

© Сахарова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Сахарова

Хронометраж

Предисловие

Когда меня спрашивают, кем я работаю, я отвечаю: «Инженером по нормированию труда». Чаще всего после этих слов повисает пауза. Приходится объяснять подробнее: я смотрю на чертежи, спускаюсь к рабочим в цех и замеряю секундомером, сколько времени нужно, чтобы превратить деталь в готовое изделие. Полученные секунды, минуты и часы я записываю в специальный бланк – хронокарту. Эти действия, естественно, приходится проделывать много-много раз. Всё это называется хронометраж.

Каждый день я вижу, как люди обменивают свои минуты на зарплату, как спешат, чтобы уложиться в свою норму. Я считаю время профессионально, и знаю, как легко оно ускользает сквозь пальцы, словно песок. Мы почему-то привыкли думать, что время принадлежит нам. Но что, если это не так? Что, если время – это валюта, которую у нас могут забрать? Или мы сами отдаём её, даже не замечая, в обмен на что-то, что кажется важным?

Эта история родилась из всего того, что я вижу каждый рабочий день. И из одного простого вопроса, который может звучать безобидно, пока не узнаешь, кто его задаёт.

Глава 1

Сегодня я встал не с той ноги.

В буквальном и переносном смысле. Меня оглушил будильник, оставленный от усталости перед сном прямо на подушке, и я резко вскочил с кровати. От неожиданности я оперся на большую ступню, и от этого что-то там внутри меж косточек, мышц и сухожилий, хрустнуло. Она и так болела со вчерашнего вечера – я тогда поскользнулся по дороге домой и упал, а сейчас стало еще хуже. Другой бы человек на моем месте доехал до травмпункта, замотался в гипс, а после довольно праздновал, ведь впереди у него чудесные больничные выходные, есть что отметить.

Но я не могу так сделать, я просто обязан выйти на смену. Если я сейчас потеряю работу, то нога станет меньшей из всех существующих проблем. Поэтому, жертвуя временем на завтрак, чтобы не опоздать, я по-геройски хромаю по дороге, изрешеченной лужами. Ранее утро, но еще совсем темно – осень съела солнце. В один момент уличные фонари перестали гореть. Обычное дело, но мне почему-то показалось, что они потухли специально, увидев, что я прохожу мимо них. Будто бы они видели моё вчерашнее нелепое падение, будто бы обсуждали свой коварный план всю ночь, будто бы их раззадорил звон моего будильника, и сейчас они смотрят на то, как тяжело я иду в темноте, и зловеще заливаются смехом.

Почему это происходит со мной? Невезение идёт со мной рука об руку. Будто бы я скатываюсь по наклонной лестнице, цепляясь за перила, по своему единственному пути, ведущему в неизвестность. Вокруг меня выстроились стены, припирали со всех сторон и давили. И самое главное: я не понимаю, когда точно и почему это началось. Но постоянная неудача сопутствует уже несколько месяцев. Я стал апатичным. Тоска разлилась в голове тягучим мёдом, по которому у меня не получается плыть, чтобы здраво мыслить. Я забыл, чего я действительно хочу, перестал строить планы на будущее. Лишь стараюсь держаться из последних сил и плыть по течению, плыть по течению, по течению, течению...

– Печенье готово! – рой мыслей прерывает звонкий голос с кухни. – Клюквенное печенье у меня заberi!

Я очнулся от самокопания, стоя возле витрины с выпечкой. В руках у меня были ценники, которые я расставлял возле свежее испеченных маффинов. Прошел всего час от открытия пекарни, в которой я работаю, но усталость ощущалась непосильная. Машинально взял поднос с еще пышущим жаром печеньем и посмотрел на него. Такой сладко-кислый аромат клюквы, уносящий куда-то-то далеко в прошлое – в летние и спокойные хвойные чащи. Запах лесных ягод и песочного теста казался мне утешительным и согревающим, он будто с нежностью шептал мне о том, что осталось продержаться еще немного и всё будет хорошо, что где-то там за углом начинается рай.

Я разложил печенье на тарелки, и мой взгляд упал на кухонные часы. Стрелки ползли с невыносимой медлительностью. Еще семь часов тошнотворной рутины.

Дверь в пекарню с мягким звоном открылась, впуслав струю холодного воздуха. Я поднял взгляд, готовясь к очередному безликому посетителю.

И увидел ее.

Она стояла на пороге, стряхивая с золотистых волос мельчайшие капельки дождя, которые сверкали, как крошечные алмазы, в свете витринных ламп. В ее движениях не было суеты, только спокойная, почти невесомая грация. Мой внутренний монолог, бесконечный поток жалоб и усталости, на мгновение замер. Она вошла и будто бы привела с собой за руку невидимое солнце, которое успело только всего на несколько секунд коснуться моего сердца, но уже согреть его.

Подошла к стойке, взгляд скользнул по витрине с выпечкой, а затем встретился с моим. Ее глаза по-настоящему сияли – я увидел в них искры какого-то вечного праздника. Мне показалось, что внутри нее крылось столько радости и веселья, что хватило бы поделиться ими со всем миром.

– Доброе утро, – сказала она, голос был тихим. – Кофе на банановом молоке, пожалуйста. И хочу сладенького! Что посоветуете взять?

Я замер на секунду, сбитый с толку простым вопросом. Все обычно знали, чего хотят.

– Печенье с клюквой, – выдавил я. – Они только остывают. Теплые.

– Идеально, – она улыбнулась, и в уголках ее глаз собрались лучики мелких, живых морщинок. Улыбка была настоящей, в ней не было и доли притворной вежливости. – Возьму два.

Она расплатилась, взяла в обе руки стакан и печенье, завернутое в пергамент.

– Ой, извините, руки заняты. Не подскажете, сколько времени?

Я взглянул на циферблат кухонных рабочих часов.

– Без десяти девять.

– Спасибо, – она кивнула, будто это было очень важное знание. – Тогда я успею.

Выбрала столик у окна и устроилась там. Я украдкой наблюдал за ней. Просто пила кофе, неспеша наслаждалась печеньем и смотрела в окно – на шумный и мокрый мир за толстым стеклом. А затем через полчаса также неспеша ушла, мягко кивнув мне на прощание.

В тот рабочий день во мне что-то изменилось. Мелочи перестали раздражать с прежней силой. И я не ощущал приступов ярости на весь белый свет. Время тянулось, но уже не так мучительно. Мысль о том, что завтра утром она, возможно, придет снова, теплилась где-то на задворках сознания, как маленькая, но стойкая свечка.

Дождь, начавшийся утром, к вечеру лишь усилился. Не ливень, а что-то плотное и безнадежное, как влажная черная вата, забившая все небо. Улицы превращались в холодные и темные реки.

Я вышел из пекарни. Вокруг, как всегда в такой час, кишела жизнь, которую стыдно называть жизнью. Под жалким козырьком соседнего магазина с потухшей вывеской жались двое. Лица были слегка зеленоватого, болезненного оттенка, а глаза – мутные, будто у залежавшейся рыбы. Они курили, молча трясущимися руками передавая друг другу одну сигарету, и дым, густой и сизый, тут же прибывало к стене, будто он и не мог подняться выше. Когда кто-то из них заходил в кашле от нескончаемого смога, то другой заботливо хлопал ему ладонью по спине. Сострадание ближнего к ближнему, которое я больше бы ни за что в жизни не хотел увидеть.

Чуть дальше, под навесом остановки, сидел человек с куском картона на коленях. Волосы склизкими длинными паклями выбивались у него из-под шапки, закрывая лицо. На картоне что-то было написано фломастером, но из-за дождя буквы расплылись в бесформенные синие кляксы. Он не просил, не оглядывался по сторонам. Лишь смотрел на темную витрину пекарни – прямо туда, где еще час назад лежали слоеные вишневые круассаны, шоколадные маффины, медовые пряники, блинчики со стущённым молоком... Но в его взгляде не было надежды – только пустой рефлекс. Тело помнило, что оттуда иногда выносили еду.

А у самой стены, прямо под ледяным напором воды, хлеставшим из сорвавшегося водосточного желоба, сидела старая женщина. Она не пряталась от дождя. Сидела на голом бетоне, обхватив колени, и пялилась в пространство перед собой. Вода лилась ей на голову, текла за воротник, пропитывала тряпье, но она не двигалась и даже не морщилась от холода. Она была похожа на старую, забытую на улице статую, которую дождь за долгие годы почти сравнял с землей. Если остальные люди мелькали тут с хоть какой-то периодичностью, то она сидела здесь практически все время на протяжении уже нескольких месяцев. Губы постоянно что-

то неразборчиво шептали, но, честно, я никогда даже не пытался вслушиваться в слова той сумасшедшей.

Я прошел мимо, ускорив шаг, хотя ускоряться было некуда. Нужно стоять, спрятавшись у остановки и ждать автобус. От этой ужасной атмосферы в совокупности с усталостью меня вновь начало вгонять в печальные мысли. Только тягучий мед в голове теперь превращался в зыбкие и холодные топи. Мы все здесь, на этом промокшем клочке тротуара, были разной стадией одного и того же процесса. Разница лишь в том, что у меня еще есть ключи от двери, которую я только что запер, но это вовсе не делало меня сухим. Я промокал где-то изнутри, и с этим ничего нельзя было поделать.

Я простоял, прячась от ледяного ливня еще двадцать минут, чувствуя, как вся та хрупкая и приятная легкость, что была днем, растворяется, смывается потоком. А после автобус увез меня домой.

Когда я наконец вылез на своей остановке, я был похож на утопленника. Тьма стусилась, фонари светили тускло, отражаясь в бесконечных лужах. Я уже приготовился к тому, чтобы окончательно промокнуть до нитки на последних пятистах метрах до дома, как вдруг заметил его. Возле урны, прислоненный к фонарному столбу, стоял зонтик. Прозрачный, из прочного пластика, с красивой деревянной ручкой. Он был идеально чистым, будто его только что купили и забыли. Или оставили специально для меня? Вокруг ни души. Я остановился, огляделся. Улица была пустынна. Ни одного идущего вдалеке силуэта. Кто оставляет такой зонтик? Может, ждал кого-то и ушел под дождем? Нелепо.

Я сделал шаг, чтобы обойти его, но потом замер. Вода с моего капюшона затекала за спину. Я снова посмотрел на зонтик. Он был таким... негнибачимым. Крепким. Приглашающим. Я колебался еще секунду, а затем, с чувством легкой глупости, взял его за ручку. Он был удивительно удобным в руке. Я поднял его над головой.

И мир преобразился. Шум дождя будто бы смягчился, превратившись в убаюкивающий, ласкающий уши стук. Я шел, глядя сквозь прозрачный щит на небо. Капли, огромные и тяжелые, скатывались по изогнутой поверхности зонтика, сливаясь в ручейки, искажая свет фонарей в причудливые блики. Я видел, как они рождались в темной вышине и летели прямо на меня, чтобы разбиться о мое временное укрытие. Красиво. Впервые за долгие месяцы я не чувствовал себя жертвой стихии. Я был под защитой. Случайной, но такой прочной. Я шел, глядя в небо сквозь прозрачный потолок своего маленького ковчега, и на губах у меня засияла улыбка. Улыбка дурака, нашедшего сокровище на помойке. Я шел и вспоминал, как будучи маленьким ребёнком прыгал по лужам, пускал по осенним ручейкам кораблики из старых газет, как собирал золотые листики и прятал меж страничек журнала, как с интересом рассматривал улиток и дождевых червяков, как собирал с отцом грибы, расхаживая по лесу в огромных резиновых сапогах и опираясь на длинную палку. Я забыл про больную ногу, про тоску, про неудачи. Это было не просто облегчение, это было счастье. Простое, тихое, как этот стук капель сейчас.

Сохранив это приятное чувство, я тихо вернулся домой, поужинал, почитал книгу и лег спать. Меня больше не мучали никакие негативные мысли, не было никакой паранойи. За окном по-прежнему шел дождь, добавляя еще больше уюта. Зонтик, высыхая, простоял в углу прихожей всю ночь, а я, засыпая, думал о девушке из пекарни и о странной милости этого вечера. Может, все налаживается? Черная полоса и правда закончилась? Мне снилось клюквенное печенье и маленький я с найденным белым грибом в руке.

Две недели, прошедшие с того утра, казалось, стерли грань между осенью и ранней зимой, но снега еще не было. Ноябрьский воздух стал колючим, а дождь – частым и назойливым гостем. Но в моем мире что-то переключилось. Девушка – я узнал, что ее зовут Элеонора – приходила в пекарню каждое утро. Ритуал повторялся: кофе на банановом молоке, вкусная выпечка. Когда-то она задерживалась у нас подольше, сидя за столиком, иногда болтала

со мной, иногда, куда-то опаздывая, быстро уходила. Неизменным был такой естественный вопрос:

– Вы не подскажете, который час?

Иногда она спрашивала об этом, расплачиваясь, иногда – уже уходя. Я отвечал автоматически, радуясь каждому поводу для лишней секунды общения. Наши разговоры стали глубже. Помимо выпечки мы стали обсуждать наши любимые песни, просмотренные фильмы, проведенные выходные, рабочие будни. Я узнал, что она работает в ателье, любит заниматься рукоделием, мечтает открыть свою собственную мастерскую. Она смеялась над моими глупыми шутками, и этот смех был для меня лучшей наградой. Я начал читать книги, которые она случайно упоминала, просто чтобы на следующее утро иметь повод сказать: «А я вот начал того автора...». Жизнь обрела ритм и оттенки. Да, работа была все той же, но я шел на нее с иным чувством – не как на каторгу, а как на свидание с возможностью.

Мой прозрачный зонт стал точкой отсчета моей счастливой жизни. Я берег его, как талисман. Под его куполом даже самый промозглый вечер превращался в приватное шоу, где я был и зрителем, и защищенным участником. Однажды я увидел в витрине магазина точно такой же и ахнул от ценника. Это была дорогая, дизайнерская вещь. Моя удача казалась еще более невероятной.

Спустя еще неделю я шел на работу чуть позже обычного – возвращался с успешного приема врача, с моей ногой все в порядке, окончательно зажила. Я даже не хромал. Утро было морозным, хрустящим. Сегодня не было дождя, светило солнце. Зима терпеливо ждала своего скорого выхода на сцену. Мир не давил, а просто был вокруг. Я даже позволил себе замедлить шаг, чтобы продлить эти несколько минут свободы. Затем я увидел Элеонору, это было ожидаемо, она не пропускает визит за утренним кофе. Она шла впереди, по той же стороне улицы и явно направлялась в сторону пекарни. Сердце неожиданно и глупо ёкнуло.

Я окликнул девушку, она обернулась, и на лице сначала мелькнуло легкое удивление, а затем – та самая, согревающая улыбка.

– А кто-то сегодня не на своем посту. Обычно уже вовсю пахнешь корицей к этому часу.

– Да, я был у врача, – сказал я, догнав ее. Мы пошли рядом, и это казалось самым естественным делом на свете. – Сказали, все в полном порядке. Теперь больше не хромаю.

– Это прекрасные новости! – ее искренность звучала с теплой и детской нежностью. – Значит, можно снова прыгать по лужам?

Я засмеялся, и звук этого смеха, собственного, непринужденного, поразил меня.

– Пожалуй, можно. Но осторожно. Опыт горький.

Мы болтали ни о чем. О том, как покрывались льдом лужи, о новом сорте чая, который она пробовала. Она смеялась, кивала, и в ее присутствии даже воздух казался чище и светлее. Я чувствовал, как какая-то внутренняя тяжесть, ржавый якорь, который я еще пару недель назад таскал в груди, начал рассыпаться в прах. Все налаживалось. По-настоящему.

Именно в этот момент мой взгляд, скользя по улице, наткнулся на нее.

Та самая старая женщина.

Та сумасшедшая.

Та, что сидела камнем под водосточным желобом.

Она стояла теперь у входа в подземный переход, вся в тех же грязных, потемневших лохмотьях. Но она не была безучастной, не была бездумной статуей. Она смотрела прямо на нас.

И этот взгляд... То было вовсе не безумие. Это был осознанный, мыслящий, пронзающий острой иглой, жуткий взгляд. Ее впалые глаза, широко раскрытые, были прикованы к моей спутнице с таким немим, абсолютным ужасом, будто та шла не по тротуару, а по краю открытой могилы. В ее взгляде читался животный, первобытный страх. Губы больше не шептали неразборчивый бред, а, не в силах ничего произнести, тряслись как у ребенка, который вот-вот

заплачет. А потом ее глаза – эти горящие, дрожащие угли – медленно, с невыносимой тяжестью перевелись на меня. И в них вдруг вспыхнуло что-то иное. Не ужас. Горе. Бесконечная, всепоглощающая жалость. Такая глубокая, что от нее физически у меня свело желудок. Я прислонил руку к животу, и она невольно сжалась в кулак. Старуха смотрела на меня так, будто видела меня уже мертвым, но еще дышащим, будто знала точную секунду моего конца и оплакивала заранее. Весь тот мимолетный восторг, солнечное утро, легкость в теле – все испарилось. Я почувствовал, как по спине побежали мурашки.

Меня накрыло волной паники, я смотрел на нее в ответ и был не в силах ни моргнуть, ни отвести взгляд.

– С тобой все в порядке? – голос девушки прозвучал как из тоннеля. Элеонора дернула меня за плечо.

Я зажмурился, резко отвел голову в сторону, силясь сглотнуть ком в горле.

– Да, да, просто задумался.

Рискнул посмотреть еще раз, будто бы убедиться, что всё это реально. Старуха все так же стояла, не двигаясь. Ее взгляд теперь снова был прикован к Элеоноре, и в нем не осталось ничего, кроме чистого, немного ужаса.

– Пойдем, – услышал я свой собственный, неестественно плоский голос. – Здесь холодно.

Я ускорил шаг, почти подталкивая Элеонору к знакомой вывеске пекарни. Спиной я чувствовал те глаза на себе. Они прожигали куртку насквозь. Я больше не оборачивался. Втолкнул себя в теплое пространство за дверь, как в укрытие. Звонок над дверью прозвенел насмешливо-весело.

– Кофе как всегда? – спросил я, и мой голос все еще звучал чужим.

Она кивнула, но на ее лице мелькнула тень легкого вопроса. Я отвернулся, чтобы приготовить напиток, и мои руки слегка дрожали. За стеклом двери, в холодном утреннем мире, больше никого не было. Но ощущение того взгляда – смеси ужаса и сочувствия – висело на мне, как мокрый и тяжелый плащ. И солнечное утро внезапно показалось жутковатой, слишком яркой декорацией, за которой скрывается что-то неправильное, темное и бесконечно жалостливое.

Попытка стереть произошедшее из памяти оказалась делом безнадежным. Я старался. О, как я старался! Вцеплялся в рутину работы: вот тесто, вот вкусный запах, вот кофейные зерна, вот печь, вот клиенты. Вот она – Элеонора. Она приходила, улыбалась, пила кофе, болтала со мной.

«О, я сегодня совсем рано! Не подскажешь, во сколько я поймала сегодняшнее солнышко?»

«Не знаешь, когда сегодня отходит последний автобус в пригород? Задержусь на работе, боюсь не успеть!»

«Завтра суббота, значит сплю до обеда стопроцентно. А ты во сколько просыпаешься в выходные?»

Я отвечал, мы беседовали о книгах, о том, что она читает старые детективы, купленные на блошиных рынках, плетет украшения из бисера, шьет красивые платья, и все было почти как раньше. Почти.

Старуху я видел еще много раз. Она всегда возвращалась на свое место у стены, под струю водостока, и впадала в то же самое каменное состояние. Сидела, уставившись в никуда, будто выветрившись изнутри. Тот взгляд безумного ужаса и бездонной жалости словно приснился. Я почти убедил себя, что так оно и было – просто галлюцинация уставшего мозга.

Но по ночам мой собственный уставший мозг восставал против меня. Сны стали ловушкой. Я проваливался в них почти сразу, едва закрыв глаза. И каждый раз это был один и тот же кошмар, лишь слегка менявшиеся детали.

Иногда я просто видел ее лицо. Крупно, во всех подробностях. Не грязное и замызанное, а странно чистые, резкие черты. Впалые щеки, похожие на высохшую глину. И глаза. Они просто смотрели на меня из темноты, наполненные таким леденящим знанием о моей судьбе, что я просыпался с криком, зажатым в горле, и сжимался под одеялом, всхлипывая и слушая бешеный стук сердца.

В другом сновидении я пытался дойти до пекарни. Улицы были пустынные и неестественно тихи. Я шел, и с каждым шагом моя нога, та самая, вылеченная, становилась тяжелее. Смотрел вниз и видел, как кожа на ней темнеет, покрывается сетью тонких, как паутина, трещин, будто стареет на глазах, превращаясь в прах. А впереди, у двери пекарни, стояла Элеонора. Она махала мне, улыбалась, но я не мог подойти к ней ближе, ноги вязли в несуществующей тротуарной трясине.

Я просыпался от каждого такого сна с ощущением, что не отдыхал ни секунды. Мои веки были налиты свинцом, в висках стучала тупая, монотонная боль. Усталость стала моим постоянным состоянием, фоновым шумом существования. Она выедала краски из мира. Я ловил на себе взгляды коллег и отмахивался от них. Но в зеркале в уборной видел свое отражение: лицо посерело, под глазами фиолетовые тени, в которых, мне чудилось, уже можно было разглядеть ту самую сетку мелких трещин из моих снов.

Жизнь шла, но это было не житие, а медленное прозябание на грани сна и яви. И я понял, что так больше не может продолжаться. Камень лежал на душе, и этот камень имел лицо старухи. Чтобы сдвинуть его, мне нужно было поговорить с ней. Услышать хоть что-то, что либо развеет этот кошмар, либо... Даст ему имя.

И вот в очередной свой обеденный перерыв я набрался решимости. Я видел ее с утра на привычном месте. Купил в пекарне два теплых сливочных круассана, завернул их в бумагу. Не знаю зачем. Возможно, как плату за внимание. Я медленно подошел к ней. Она сидела, как всегда, не двигаясь. В солнечном свете она выглядела еще более серой и призрачной, будто пепел от костра, сложенный в форму человека.

– Здравствуй, – сказал я, и мой голос прозвучал хрипло.

Никакой реакции. Взгляд был направлен куда-то внутрь себя, в какую-то бездну, куда мне не было доступа. Губы привычно что-то тихо бормотали

– Я... Я видел вас тогда. Вы смотрели на меня, – я сделал паузу, надеясь, что это слово «смотрели» что-то в ней оживит.

Ничего. Я осторожно положил круассаны рядом с ней, но и вкусная еда не смогла привлечь внимание. Тогда я попытался разобрать ее шепот. Задержав дыхание, я медленно наклонился, приблизился к ней, стараясь разобрать непрекращающееся бормотание.

– Она ходит по краю, – вдруг сказала женщина. – Ходит и не падает. Потому что под ней подстилают... Подстилают время. Обманула меня... Хитрая... Чужие часики, тик-так, тик-так... Собрала в фартук... И-и пошла-а-а... Тик-так...

Это был бред, беспорядочный и бессвязный. Но от этих слов по моей спине пробежали мурашки.

– Кто ходит? Элеонора? – сам не знаю, почему я вдруг назвал ее имя, будто бы мне дало подсказку мое нутро.

И это сработало. Каменная маска на лице старухи треснула.словно ток прошел через ее согнувшееся тело – она вся вздрогнула, выпрямив спину с неестественным, костлявым хрустом. Пустота в ее глазах испарилась, сожженная тем самым ужасающим знанием, которое я видел неделю назад. Теперь он вернулся – концентрированный, лихорадочный, животный страх. Она уставилась на меня, и ее взгляд был теперь острым, как шило.

Я ничего не успел сделать, не смог даже привстать. Она резко рванулась вперед, ее костлявая, ледяная рука вцепилась мне в запястье с силой, которую невозможно было ожидать от такого хрупкого тельца. Ее пальцы впились в кожу, как когти.

– Она спрашивает время? – выкрикнула она прямо в мое лицо, я почувствовал запах прелой одежды и чего-то горького. – Каждый раз спрашивает? Смотрит в глаза и спрашивает, который час, не опаздывает ли она? Отвечаешь? Отвечаешь? Отвечаешь?

Она трясла моей рукой, ее ногти царапали кожу. Ее лицо исказила гримаса такой муки, будто ее самой пытали этим вопросом. И тут меня оглушил плач.

– Она крадет! – истошно завопила она, ее крик разорвал тишину переулка. Прохожий вдалеке обернулся и ускорил шаг. – Она ходит по краю, но этот край – твоя жизнь!

Я рванулся, пытаюсь высвободиться. Начал трясти рукой, пытался ударить ее, заглушить этот орущий ужас, но мое тело перестало слушаться меня. Я смотрел на свою руку, на старуху, на свое отражение в ее глазах и везде мне начали видаться тонкие паутинные сеточки из моих снов. Казалось, что я вот-вот распылюсь, превращусь в песок.

– Отстань! Пусти!

– НИКОГДА! – ее крик перешел в визг. – Никогда больше не отвечай ей! Слышишь? Зажми рот, вырви язык, но не дай ей ни цифры! Смотри на меня!

В этот миг она с силой дернула мою руку, притягивая мое лицо к своему. Теперь в ее расширенных зрачках я увидел не свое отражение, а что-то иное: словно мелькнули крошечные, убегающие цифры, как на циферблате сломанных часов. Это было невыносимо. Я не помню, как сделал это – возможно, дернул так, что она потеряла равновесие, возможно, ударил по ее руке ребром ладони. Ее пальцы разжались. Я отпрыгнул назад, спотыкаясь, сердце колотилось, словно пытаюсь вырваться из клетки. Рука, где она вцепилась, горела и ныла.

Не оглядываясь, я побежал прочь и бежал до тех пор, пока не перестал слышать этот безумный вопль. Остановился, прижался спиной к холодной стене, пытаюсь отдышаться. На запястье краснели четыре четких полумесяца от ее ногтей и синяк от пальцев. Мой разум метался, как загнанный зверь. Сумасшедшая. Она явно, клинически не в себе. Уличная бро-
дяжка, чей рассудок размыт холодом и голодом. Ее слова – просто случайный набор кошмаров, который мой собственный, измученный недосыпом мозг привязал к Элеоноре. Да, так и есть. Просто чудовищное совпадение. Но почему тогда ее взгляд был таким... Знающим? Почему она сказала именно «спрашивает время»? Как она могла угадать самый обыденный, ничем не примечательный ритуал наших встреч?

Я не мог вернуться в пекарню. Не сейчас. Мысль о том, чтобы стоять за стойкой, улыбаться, была невыносима. Каждая клетка моего тела кричала, чтобы я бежал. Я вытащил телефон. Пальцы плохо слушались, скользили по стеклу.

– Алло? Я не вернусь после обеда. Чрезвычайный случай.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Нет. Да. Не знаю. Семейное, – солгал я, чувствуя, как по спине ползет холодный пот. – Заболел. Очень резко. Очень срочно. Извини.

Я бросил трубку, не дослушав обеспокоенных расспросов на том конце. Я не пошел домой. Я просто шел, куда гнали ноги, бесцельно, пытаюсь физическим движением затоптать панику, выровнять дыхание. Я зашел в первый попавшийся парк, сел на скамейку. Мир продолжал жить своей обычной жизнью. Солнце клонилось к закату. И я чувствовал себя последним идиотом на земле, который позволил бреду уличной сумасшедшей сломать свой день, свою работу, свое и без того шаткое душевное равновесие.

Дома я не мог заснуть. Ночь была долгой. Я ворочался, и каждый раз, едва начинал проваливаться в забытие, перед глазами вставали ее горящие глаза, и я слышал: «ОНА СПРАШИВАЕТ ВРЕМЯ?» Я вскакивал, включал свет, пил воду. Синяк на руке напоминал о случившемся. Я пытался убедить себя. Все это – чушь. Совпадение. Надо выспаться, и завтра все встанет на свои места. Но убеждения разбивались о простой вопрос: а что, если? Что, если в этом бреду есть крупница ужасной правды?

К утру, с серым, бессонным рассветом, во мне созрело решение. Сегодня, когда Элеонора придет и спросит о времени, я не отвечу. Я промолчу. Я сделаю вид, что не расслышал, отвлекусь, закашляюсь. Что угодно. И посмотрю, что будет. Если старуха просто сумасшедшая, то ничего не изменится. Мы просто продолжим наш разговор, может, с легким недоумением с ее стороны. А если... Если в словах старухи есть правда... Нет-нет, даже думать об этом было страшно.

Все утро я провел как робот, запрограммированный на одно: не сказать цифр. Я украдкой смотрел на дверь, и каждый раз, когда она открывалась, мое сердце делало сальто.

И вот она вошла. Все так же легко, как будто несла с собой не просто утро, а кусочек другого, более мягкого измерения. Ее взгляд встретился с моим, и я, как всегда, почувствовал этот мгновенный укол радости. Она попросила кофе. Я кивнул, слишком резко, и отвернулся к кофемашине. Сосредоточился на процессе, как будто от него зависела вся мировая механика. Поставил стакан на стойку. Она расплатилась. Взяла стакан. Я чувствовал ее взгляд на себе.

– Хотела спросить, – произнесла она с легкой, извиняющейся улыбкой. – Во сколько ты сегодня заканчиваешь?

Я сделал вид, что не расслышал. Резко наклонился, будто что-то уронил, и стал протирать уже чистую поверхность тряпкой.

– Так во сколько? – ее голос прозвучал чуть ближе. Она не ушла к столику. Она стояла и ждала. – Ты не расслышал?

Я не посмотрел на нее в ответ. Уставился на капучинатор, будто в нем была заключена тайна мироздания.

– Машина сегодня капризничает, – пробормотал я в пространство.

Рискнул мельком взглянуть на нее. Улыбка на ее лице застыла, не исчезла, но стала неподвижной. Как нарисованная. В ее глазах, обычно таких живых и теплых, промелькнула тень искреннего, немного недоумения. Не злости. Не раздражения. Именно недоумения, будто она наблюдала, как стол внезапно отказывается быть столом.

– Ладно, – наконец сказала она, и в ее голосе впервые за все время прозвучала неуверенность, легкая скованность. – Тогда, наверное, я пойду.

Она повернулась и пошла к своему столику у окна. Но шла как-то медленнее обычного. Она не села. Постояла несколько секунд, а затем развернулась и направилась к выходу. Она не посмотрела на меня, не кивнула на прощание. Просто вышла. Я остался стоять за стойкой, сжав в кулаке мокрую тряпку. Напряжение, копившееся во мне все утро, совсем не спало. Оно превратилось в странную, пустотную дрожь. Я ожидал... Чего? Гнева? Настойчивых расспросов? Может, даже какого-то мистического знака. Но получил лишь недоумение и преждевременный уход. Это было так... Обыденно. Я чувствовал себя идиотом, суеверным дикарем, который испугался собственной тени и испортил единственную хорошую вещь в своей жизни. Остаток дня прошел в тумане стыда и растерянности. Я пытался убедить себя, что все в порядке. Она просто обиделась на грубость. Просто у нее было плохое настроение. Но где-то в глубине, под слоями рациональных объяснений, копошился червь сомнения. Что если, не получив ответа, она просто отступила?

Домой я плелся с ощущением полной внутренней опустошенности. Мне было стыдно перед ней, перед собой. Я выиграл битву с каким-то несуществующим, придуманным мною призраком, но проиграл войну за свое душевное равновесие. В прихожей я неспеша разулся, поставил сумку на пуфик и замер.

Мой прозрачный зонтик, кристальный талисман, символ удачи и защиты, был неузнаваем.

Пластик, когда-то ясный и прочный, стал мутным, желтоватым, будто покрытым толстым слоем грязного налета, но это была вовсе не грязь. Он был ржавым. Ржавчина проступила

изнутри, сквозь сам материал, бурыми подтеками и кроваво-рыжими разводами. В нескольких местах зияли дыры с рваными, оплавленными на вид краями. Спицы, прежде гладкие, крепкие и упругие, торчали теперь под неестественными углами, острые и голые, как сломанные ребра. От всей конструкции веяло не просто разрушением, а каким-то стремительным, злобным распадом. Он пахнул не дождем, сыростью и городом, а затхлостью, старым железом и даже чем-то кислым, будто внутри сгнило что-то органическое.

Я осторожно, кончиками пальцев, дотронулся до ручки, стараясь убедить себя, что это реально. Дерево, когда-то отполированное до гладкости, было шершавым, облезшим, покрытым той же ржавой пылью и липким налетом. От прикосновения по коже пробежали мурашки отвращения. Это было невозможно, так не ломаются вещи, не за один день, не сами по себе. И тогда слова старухи ударили в голову с новой, ослепительной силой. Я отшатнулся от зонта, прислонившись к стене. Стыд и растерянность испарились, заместившись чистым, неразбавленным, леденящим ужасом. Бродяжка вовсе не бредила, я поверил в происходящее бесповоротно и окончательно.

Глава 2

Первым делом я завернул зонт в чёрный мусорный пакет. Нет, не для того, чтобы от него избавиться. Я положил его глубоко в шкаф как вещественное доказательство. Сердце постепенно прекращало бешено стучать, будто бы я вытащил из себя весь страх, скомкал в руках и спрятал его вместе с зонтиком. Экий ритуал, который помог понять мне, что я не схожу с ума. Зонт дал мне ответ, расставил все по местам, наконец развеял череду неясности. Неизвестность пугала меня гораздо больше, чем что-либо – больше, чем старуха, чем непонятное колдовство, чем мистические сны. В детстве отец всегда говорил мне: знай своего врага. Если узнаешь его перед собой, то обязательно сможешь добраться до слабостей – у всех они есть, и никакое, даже самое несокрушимое чудовище не сможет тебя победить. И действительно, раньше меня парализовал вопрос: «Неужели это правда?». Теперь же я задаюсь другим: «Если это правда, то что тогда?». Разница между ними оказалась колоссальной: первый – вводил в ступор, а второй – требовал плана.

Прежде чем закрыть шкаф, еще раз окинул взглядом мою припрятанную улику. Это дело рук Элеоноры. Побоялась, что я раскусил ее, смог догадаться, что за лучезарной улыбкой скрывается опасная ловушка, и решила плеснуть еще больше своего колдовского яда. Пыталась напугать меня таким образом, но в конечном счете лишь раззадорила меня. Я обязательно лично встречусь с ней завтра, потребую всех объяснений, не дам просто так уйти, ни за что не отпущу ее.

Прошел в комнату и посмотрел на свое отражение в зеркале. И сколько же она успела украсть от моего времени? Выглядел я почти как обычно, смущали только мешки под глазами и в целом усталый вид. Пока не похож на старуху, это не могло не радовать. Но больше не отдам этой ведьме ни секунды своей жизни.

На следующее утро я пришёл в пекарню за час до открытия. Никогда так рано не появлялся, но в эту ночь почти не спал – прокручивал в голове сценарии разговора, репетировал вопросы, выстраивал аргументы, продумывал действия. Чувствовал себя охотником, который наконец напал на след и теперь не упустит зверя. Кровь пульсировала в висках с такой силой, что заглушала привычный гул кофемашины. Клиенты приходили и уходили. Я вздрагивал при каждом открывании двери, оборачивался и видел чужие, равнодушные лица. К полудню челюсть свело от того, как сильно я ее стискивал. К вечеру я ненавидел каждый пустой стул у окна. Она не пришла. Я уговаривал себя не паниковать, сам же своим молчанием мог ее отпугнуть, да, это логично. Ей не понравился последний день нашей встречи с моим пренебрежительным поведением, взяла паузу, чтобы не навязываться. Завтра всё вернётся на круги своя.

Завтра она не пришла тоже. И послезавтра. На третий день я понял: она не вернётся. Но это вовсе не остановило меня, а сорвало все тормоза. Я начал расспрашивать о ней всех подряд, сначала осторожно, будто невзначай: «А та девушка светловолосая, что обычно по утрам кофе пила, вы ее не видели?». Коллеги пожимали плечами, постоянные клиенты качали головами. Я даже удивился, что в нашем угрюмом и сером мире ни до кого не было дела до обманчивого, предательского, но такого прекрасного рассветного солнца, которое каждое утро раскрашивало нашу кофейню только одним своим присутствием. Никто не запоминал ее, никто не обращал внимания. Она была для них размытым пятном, частью интерьера. Только я замечал ее и помнил, как она улыбалась. Не думал, что внешность может быть уж настолько обманчива.

Старуха, как ни странно, тоже исчезла, будто бы провалилась сквозь землю. Мне вовсе не казалось это совпадением. Спустя еще день, опьяненный ненавистью, я ринулся в ателье: в наших диалогах Элеонора свое место работы упоминала часто, не скрывая.

Дверь в швейную мастерскую звякнула колокольчиком – дешёвый, жестяной звук, какой бывает только в самых старых, забытых богом лавках. Внутри пахло хозяйственным мылом, хлопком и еще чем-то домашним – то ли ванилью, то ли сдобой, то ли просто уютом, который здесь, судя по обстановке, ночевал постоянно.

За стойкой сидела девушка. На вид молодая, лет двадцати пяти, вся растрепанная и в смешных круглых очках, которые съезжали на кончик носа. Перед ней лежал блокнот для записей и стояла кружка с недопитым чаем. Заметив меня, она приветливо улыбнулась и засуетилась.

– Добрый день, молодой человек! Вы что-то хотели? Подшить, ушить, может, ткань присмотреть? У нас тут небольшой ассортимент, но мы скоро обновляем, – затараторила она, поправляя очки.

Я растерялся от удивления. Я точно туда пришел? Это вообще то самое ателье, где работала Элеонора? Вывеска та, адрес тот, а внутри – будто в другую реальность зашёл.

– Я ищу человека, ее зовут Элеонора. Она же здесь работает?

– Ой-ой, так вы к Норочке? А она уже месяц как уволилась! Мы тут все так расстроились, честное слово. Она такая мастерица была, вы не представляете! Я у нее училась швы обрабатывать, она мне секретки показывала.

Норочка, значит. Она называла ее Норочкой. Это имя, такое домашнее, почти детское, резануло слух.

– А вы ее близкий друг? – не дождавшись моего ответа, она опять начала тараторить. Глаза за стёклами очков блестели неподдельным интересом. – А то она про себя мало рассказывала. Мы и не знали, есть ли у нее кто. Она такая скрытная, но добрая, очень добрая, заботливая. Я ей как-то разнылась, что парень бросил, так она меня целый вечер чаем поила и слушала, ни разу не перебила. Представляете?

Я представил Элеонору, которая слушает чьи-то жалобы, заваривает чай, утешает. Это совсем не вязалось с той, кто крадёт время. Или вязалось? Может, она крадёт еще и доверие, и тепло, и чужие секреты.

– Я... Мы были хорошо знакомы, – осторожно начал я. – Даже больше, чем знакомы. Мы поссорились, всё так глупо вышло. Наговорил ей лишнего, а она ушла. Я ищу ее, чтобы извиниться.

– Ой, – девушка прижала руки к груди. – Ой, какой вы молодец, что ищете! А она знает, что вы ищете? Вы ей писали? Звонили?

– Нет, – я грустно покачал головой. – Она не отвечает. Уже неделю по городу мотаюсь, ниточки собираю.

– Бедненький, – она всплеснула руками. – Слушайте, а хотите чаю? Расскажите мне все подробнее, пожалуйста-пожалуйста! Я как раз хотела сделать перерыв, а то глаза уже болят от работы.

Я кивнул, сейчас отказываться ни в коем случае нельзя. Она растает и даст информацию, только если я буду своим, близким, таким же, как она – немного потерянным, немного влюблённым, наивным и романтичным.

Пока она гремела чашками за маленькой ширмой и напевала что-то себе под нос, я разглядывал ателье. На стенах висели образцы вышивки, какие-то детские рисунки, приколотые к пробковой доске, открытки, потрепанные бумажки, оборванные календарики прошлых лет. Также было много чьи-то личных фотографий: вот девушка с кем-то обнимается на фоне моря, вот маленький мальчик с тортом в день рождения. А вот и Элеонора на общей фотографии стоит в углу, чуть в стороне, улыбается, но как-то грустно, отстранённо.

– Я лимончик добавила. Держите! – передо мной поставили дымящуюся кружку. Девушка плюхнулась на соседний стул, поджала под себя ноги. – Рассказывайте! Я обожаю романтические истории. У нас тут скучно, клиентов мало, а вы такой загадочный пришли.

Я тяжело вздохнул, выдавливая из себя максимум трагедии. Сыграть несчастного влюблённого оказалось проще, чем я думал. Она хотела этой истории – я дал ей ее. Рассказал про наше знакомство в пекарне, про утренние разговоры, про то, как мне казалось, что эти минуты разговоров с ней – самое светлое в моей жизни. Про все подробности «ссоры» умолчал – сказал только, что наговорил глупостей из-за ревности, и она исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.